

In Memoriam

Алексей Евгеньевич Писарев
(29.08.1979–01.03.2025)

1 марта 2025 г. скончался наш товарищ, коллега, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Средневековья и Нового времени Историко-архивного института РГГУ Алексей Евгеньевич Писарев. Всегда больно, когда уходят люди молодые, но еще больнее, когда навсегда расстаешься с человеком талантливым, который мог бы многое еще успеть написать, додумать, озвучить.

В 2001 г. А.Е. Писарев окончил факультет истории, политологии и права Московского государственного педагогического университета имени В.И. Ленина. Восемнадцать лет он занимался изучением московских стрельцов, и в 2017 г. в РГГУ защитил кандидатскую диссертацию на тему «Боеспособность московских стрельцов во второй половине XVII – начале XVIII в.», а в 2021 г. выпустил книгу по своим многолетним изысканиям – «Московские стрельцы второй половины XVII – начала XVIII в. “Из самопалов стрелять ловки”». Эта книга в деталях прослеживает развитие московского стрелецкого корпуса, чей поистине огромный боевой опыт стал достоянием всей русской пехоты Петра Великого. Все эти годы он занимался военно-исторической реконструкцией. Созданные его руками игрушечные солдаты разных эпох и сражений были абсолютными копиями настоящих комбатантов. В его коллекциях были викинги, стрельцы, князья, современные воины разных стран. Незадолго до смерти Писарев переключился на новую тематику, которая увлекла его большими исследовательскими возможностями. Он активно стал изучать советско-африканские контакты во второй половине XX в. Знакомился с участниками разных военно-политических миссий в Африке, хотел описать деятельность советских «прогрессоров» в Африке как один из важнейших феноменов советской истории. Планов было немало, но, как оказалось, не судьба...

Ниже публикуется очерк, который Писарев успел написать, хотя окончательную доработку провела его вдова, Дарья Александровна Радченко.

Советские «прогрессоры» в Африке: социально-культурные особенности работы и статуса

Алексей Е. Писарев

Аннотация. Статья посвящена вопросу статуса советских военных и гражданских советников и специалистов, выполнявших интернациональный долг в Африке в 70–80-х годах XX в. Особенное внимание уделяется нюансам статуса советских «прогрессоров» в советском обществе, советской политической структуре, социально-культурному и идеологическому обоснованию особенностей советского «прогрессорства».

Ключевые слова: советник, специалист, Ангола, Африка, прогрессор, советский, военный

Для цитирования: Писарев А.Е. Советские «прогрессоры» в Африке: социально-культурные особенности работы и статуса // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 9. С. 175–190. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-175-190

Soviet “progressors” in Africa. Socio-cultural characteristics of their work and status

Aleksei E. Pisarev

Abstract. The article deals with the issue of the status of Soviet military and civilian advisers and specialists who performed international duty in Africa in the 70s and 80s of the 20th century. Special attention is paid to the nuances of the status of Soviet “progressors” in Soviet society, the Soviet political structure, socio-cultural and ideological substantiation of the features of Soviet “progressivism”.

Keywords: advisor, specialist, Angola, Africa, progreditor, Soviet, military

For citation: Pisarev, A.E. (2025), “Soviet ‘progressors’ in Africa. Socio-cultural characteristics of their work and status”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 175–190, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-175-190

Советское присутствие в Африке – необычайно обширная и интересная тема исследования. В 60–80-х годах XX в. СССР попытался осуществить грандиозную мечту – помочь африканским народам, освободившимся от колониальной зависимости, преодолеть экономические и политические трудности и начать стоять общество, организованное на совершенно новых социальных принципах, кардинально отличающиеся от рабовладельческого и капиталистического. Это стремление к осуществлению мечты о мировом социализме сделало ряд африканских государств еще одной ареной противостояния СССР и Запада, возглавляемого США. На Черном континенте столкнулись два абсолютно разных мира, капиталистический и советский. Для советских людей, выполнивших интернациональный долг, Африка стала «окном» в западный мир и непростым испытанием на верность социалистическим идеям. Большинство исследователей склонны рассматривать только экономический и политический аспекты этого блока проблем, однако ряд вопросов, имеющих первостепенное значение для раскрытия темы, связаны с социально-культурными проблемами советского присутствия в Африке.

В этой связи одной из важнейших групп источников являются воспоминания (мемуары, материалы интервью, переписка и т. д.) советских людей, военных и гражданских – участников африканских командировок. Общеизвестно, «память – это способ конструирования людьми своего прошлого»¹. Человеческая память субъективна, так как «...человек сам по себе временное и конечное существо, живущее интересами и страстями мира, ему очень сложно занять позицию стороннего наблюдателя...»².

Воспоминания и т. п. источники не просто субъективны, но зачастую дают желаемую их авторами, а не действительную картину прошлого. Понять социально-культурные особенности конкретного общества и его отдельных представителей, выявить процессы развития основных идей, лежащих в основе такого общества на основании анализа таких источников является почти неразрешимой задачей. Но мемуары ветеранов африканских командировок, будучи субъективными по своей сути, едины в одном: их авторы – в большинстве случаев современники, представители одной цивилизации, одного культурного и идеологического про-

¹ Сафонова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020, 2022. С. 15.

² Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Регион Докса: Источниковедение культуры. М.: РГГУ, 2005. С. 48.

странства, иногда – представители одного поколения, участники одних и тех же событий. Им свойственны схожие оценки тех или иных событий, нюансы менталитета и т. д.

«Интернациональный долг»

В Конституции СССР 1936 г. и в Конституции СССР 1924 г. термина «интернациональный долг» и аналогичной статьи не было, он появился в советской политической риторике в 60-е годы, под влиянием почти повсеместной борьбы за независимость, охватившей африканские и азиатские колонии европейских государств. Тогда же было сформулировано, что «защита социализма – интернациональный долг коммунистов»³. Согласно Конституции СССР 1977 г., «Статья 69. Интернациональный долг гражданина СССР содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержанию и укреплению всеобщего мира»⁴. В статьях 28 и 30 специально подчеркивалось, что внешняя политика СССР направлена на «укрепление позиций мирового социализма, поддержку борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс», что «СССР, как составная часть мировой системы социализма, социалистического содружества развивает и укрепляет дружбу и сотрудничество, товарищескую взаимопомощь со странами социализма на основе принципа социалистического интернационализма».

Идея интернационализма – одна из основополагающих в коммунистической идеологии. Поддержка СССР государств и движений, исповедовавших сходные идеи, началась едва ли не одновременно с возникновением Союза и продолжалась до его распада. Советские военные и гражданские специалисты выполняли «интернациональный долг» в Испании, Монголии, Китае, Корее и т. д. задолго до появления «брежневской» конституции. Но именно с 1977 г. идея интернационализма, положенная в основу термина «интернациональный долг», стала обязательной для всех советских граждан, а не только для коммунистов. Получалось, что каждый советский гражданин, безотносительно, член партии или нет, был обязан, согласно конституции, выполнить «интернациональный долг» в объеме, который потребует партия.

Возможно, причиной этого стала непростая внешнеполитическая и идеологическая ситуация, в которой оказался Советский

³ Международное совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. М., 1969. С. 303.

⁴ Конституция СССР 1977 г. С. 336.

Союз в 70-е годы, когда потребовалась срочная поддержка многочисленных новообразованных «народных демократий» и социалистических стран. Потребовались не десятки и сотни, как ранее, а тысячи специалистов самого разного профиля. Государство в данном случае подчинялось партии и полностью подстраивалось под выполнение идеологической задачи, зачастую без учета реального соотношения собственных сил, количества ресурсов и заявленных целей.

Идея сделать всех граждан СССР интернационалистами-«прогрессорами» выглядит утопической, но полностью соответствует советской идеологии: «в новом мире героем мог стать каждый... в экстремальной ситуации любой советский человек вне зависимости от возраста становился им... Как пелось в популярной советской песне, “когда страна прикажет быть героем/у нас героям становится любой!”»⁵.

В.И. Ленин писал об интернационализме: «Интернационализм на деле только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в своей стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) такой же борьбы, такой же линии, и только ее одной, во всех без исключения странах...»⁶. Однако Ленин нигде не уточнял, что интернационализм – это добровольное дело, или, наоборот, прямая обязанность революционера. В сочетании с другими постулатами ленинские слова могут быть истолкованы именно так: интернационализм – это долг каждого «солдата революции». Особенности воспитания советских людей («Партия сказала «надо!», комсомол ответил «Есть!», «Если завтра война...» и т. п.) сделали это правило законом. Отказаться, когда Родина просит, никому и в голову прийти не могло: «мне сказали главное, когда распределяли на португальский: молодой человек, скоро опять под знамена, и вперед, и с песней! Мне этого было достаточно...»⁷. А.С. Шлык, служивший в Анголе в 1979–1982 гг., отмечал: «особист задал главный вопрос: а как вы относитесь к тому, чтобы поработать с английским языком? Я подумал: что значит, как отношусь? Если это приказ, если Родине надо – значит, надо, выполним...»⁸.

⁵ Димке Д.В. Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. М.: Common place, 2021. С. 44

⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31: Март – апрель 1917 г. М.: Политиздат, 1969. С. 170.

⁷ Кузнецова-Тимонова А.В. Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе, 1975–1992. Минск: Издательство «Белорусская наука», 2017. С. 80.

⁸ Там же. С. 121.

«Прогрессоры»

На протяжении трех десятилетий советские граждане, военные и гражданские, служили и работали на Черном континенте. Многие, особенно военные, сталкивались с множеством бытовых проблем. Такие вопросы, как удобное и комфортное жилье, организованное питание или обеспечение продуктами, медицинское сопровождение, транспорт, в воюющих странах – оружие и военная форма, возникали постоянно, вне зависимости от конкретной страны и цели командировки.

На первый взгляд, вызывает удивление, что советское государство не учитывало опыт своих граждан, попавших в африканские командировки в числе первых. Каждый новоприбывший попадал в одну и ту же ситуацию, решал примерно одни и те же проблемы, нарабатывал путем проб и ошибок один и тот же опыт. Получалось, что Советский Союз, который был способен вооружить, организовать и поддерживать в боеспособном состоянии целую армию независимого государства (яркий пример в Африке – Ангола), не мог обеспечить условия проживания и т. п. лучших представителей своего общества, направленных в Африку не просто выполнять технические функции, но живым примером убеждать «молодые народные демократии» в преимуществах социалистического государственного строительства? Такое предположение было бы, на первый взгляд, очевидным, но слишком поверхностным.

Бытовые трудности, с которыми сталкивались советские граждане в Африке, были частью общей советской парадигмы, в рамках которой советский человек понимался как строитель будущего, «прогрессор».

Применение данного термина по отношению к советским гражданам, выполнявшим интернациональный долг в Африке, в частности в Анголе, представляется уместным и обоснованным, так как советские граждане должны были не просто помогать африканцам осваивать технику и т. п., но на собственном примере – граждан «первого в мире социалистического государства» – убеждать своих подсоветных в преимуществе социализма. Советский человек нес двойную нагрузку: и как специалист по профилю, военному или гражданскому, и как политработник или агитатор. Тем более если этот гражданин был коммунистом – «солдатом партии» и военным, т. е. коммунистом вдвойне. «Для героических обществ и сообществ характерно, что все их члены рассматривают определенный образ жизни как идеальный и стремятся к его воплощению... Для таких обществ общее значение имеют практики, направленные на контроль личного самосовершенствования, на соответствие личности из-

бранному идеалу...»⁹. Советский гражданин, особенно – военный, которого государство отправило «выполнять интернациональный долг», таким образом, должен был стараться максимально соответствовать «идеалам строителя коммунизма». Н.Г. Ковтун, военный политработник, прямо писал: «Да, мы гордились своей страной. Это естественно – любить свой народ и землю, где ты родился. Это заложено в наших генах. У нас была одна национальность – советский человек. Я родом из Советского Союза, как и другие мои коллеги. Мы были патриотами, посланцами СССР в Анголе и с достоинством выполняли свой интернациональный долг и приказы начальства. Во многих случаях рискуя своей жизнью»¹⁰. Воплощением такого идеала являлись «красные» герои Гражданской войны и герои Великой Отечественной. Наряду с реальными героями (В.И. Чапаев, Г.И. Котовский, А. Пархоменко, Виктор Талалихин, Алексей Маресьев, Александр Матросов, Зоя Космодемьянская, пионеры-герои и т. д.) примером являлись не реальные, исторические, а литературные, т. е. абсолютно идеальные, герои, например, Павка Корчагин, летчик Мересьев и др.

Д. Димке замечала, что «христианин может восхищаться святыми, но не стремится повторить их жизненный путь (и при этом остается «добрый христианином»). Однако члены утопических сообществ стремились к тому, чтобы их жизненный путь соответствовал жизненному пути их героев. Их идеалы были образцами именно для подражания, а не для восхищения или сублимации. Утопическое зрение внутри утопических сообществ не исчезло, напротив, оно становилось конституирующей практикой. Зрение внутри такого сообщества становилось эквивалентно действию»¹¹. Важной особенностью этой идеологической конструкции было требование подражания жизни избранных героев. Как заметил один из советских ветеранов Анголы: «в СССР все мы были Павками Корчагиными...». В.К. Магонов, служивший в Анголе в 1975 г., в составе самой первой группы советских военных советников и специалистов, подчеркивал: «не потому, что сейчас мне хочется сказать высокие слова, а потому, что мы были так воспитаны, и все к этому готовились – что придется воевать...»¹².

Преодолевать бытовые трудности и рисковать жизнью и здоровьем, особенно в воюющей стране, советским гражданам при-

⁹ Димке Д.В. Указ. соч. С. 142, 144.

¹⁰ Ковтун Н.Г. Ангола в сердце моем: Путевые заметки-воспоминания советского военного советника. Киев, 2010. С. 173.

¹¹ Димке Д.В. Указ. соч. С. 144.

¹² Кузнецова-Тимонова А.В. Указ. соч. С. 62.

ходилось часто. Например, в Анголе, даже в столице можно было отравиться, заразиться малярией или стать жертвой нападения. А в провинциях, где шли боевые действия с унитовскими отрядами и юаровскими войсками, все было намного серьезнее.

А. Павлов, инженер Брянского автозавода, вспоминал, что в 1983 г. на юге Анголы «условия, в которых... жили, были более чем “спартанскими”. Спали в палатках, к отсутствию воды и нормальных бытовых условий добавлялись почти постоянные налеты южноафриканской авиации...»¹³. «Могу подтвердить, что условия, в которых находились наши военные и гражданские специалисты, были не просто походными, они были боевыми. Жили и в палатках, и в землянках, пищу, в основном консервы, готовили на открытом огне, ни телевидения, ни даже радио, кроме коротковолновых личных приемников, не было. Письма из дома – раз в три-четыре месяца. Связь с военной миссией – только по радиостанции...»¹⁴. Военный советник Д.И. Гуков, служивший в 1987–1988 гг. в г. Куито-Куанавале (Ангола), отмечал: «...нет никаких культурно развлекательных мероприятий, свет дают с 18 до 22 часов, нет телевизора, радио ничего не ловит. Круглый год в 6 утра рассвет и 18 часов уже темно, притом так темно, что не видно не зги. Везде темно кругом. Привезли один раз в месяц продукты, письма, газеты “Красная звезда”, “Правда”, “Известия” и “Коммунист вооруженных сил”, книг нет, еще 3–4 узкопленочных фильма, вот вам все развлечения. Вечерами эти 4 фильма раз посмотрели, а мы иногда 2–3 раза пересматривали эти фильмы. Иногда праздники местные, иногда наши, собирались с офицерами бригады, мы старались не напиваться, в любое время возможны нападения УНИТА». И.А. Ждаркин, военный переводчик, участник битвы за Куито-Куанавале в 1988 г., писал: «У некоторых людей нервы просто не выдерживали и немудрено: чужая страна, чужая обстановка, идет война, обстрелы – “25 часов в сутки”, как мы невесело шутили, ангольцам ставишь задачу – они ее могут и не выполнить, снабжение ужасное, письма из дома часто задерживались, в общем, всего хватало...»¹⁵.

При этом любая попытка уклонения от преодоления трудностей рассматривалась чуть ли не как предательство. Например, когда военные переводчики С. Коломнин и Ф. Жаворонков оформили себе и своим женам ангольские удостоверения личности, которые

¹³ Коломнин С.А. Русский спецназ в Африке. М.: Язуа: Эксмо, 2005. С. 222.

¹⁴ Там же. С. 223.

¹⁵ Ждаркин И.А. «Такого не было даже в Афгане»: Воспоминания участника войны в Анголе (1986–1988). М.: Memoris, 2008. С. 134.

советским гражданам обычно не выдавались, это было воспринято негативно. Ничего криминального в этих удостоверениях не было, но они официально удостоверяли должность и профессию предъявителя, что, по мнению советских политработников, нарушало правила секретности, и давали право пользования «специальными продовольственными магазинами для иностранных специалистов»: «слух о том, что переводчики ВВС и ПВО получили якобы “незаконно” какие-то “продовольственные карточки”, тут же распространялся по военной миссии “доброжелатель”. Главный военный советник на утренней разборке публично разоблачил старших лейтенантов С. Коломнина и Ф. Жаворонкова и приказал полковнику Савельеву пресечь незаконную деятельность “переводя ВВС”»¹⁶. Показательно, что «публично разоблачил» переводчиков не их непосредственный начальник, не политработник, а лично Главный военный советник, т. е. второй после посла, а для военных – первый советский начальник в Анголе. ГВС обладал широчайшими полномочиями и подчас неограниченной властью, мог своим приказом, вопреки постановлению ЦК КПСС, отправить советников и переводчиков участвовать в боевых операциях ангольской армии, мог отправить в СССР в 24 часа любого проштрафившегося советского военнослужащего и т. д. Поэтому сам факт такого пристального внимания ГВС к происшествию с переводчиками ВВС и ПВО очень показателен.

Таким образом, трудности, бытовые лишения, болезни, война в этой идеологической системе были необходимой, иногда – обязательной нормой. Советский «прогрессор» был обязан преодолевать трудности, добиваться успеха в борьбе, в том числе и с самим собой. Образы, на которые ориентировались все советские люди – герои Гражданской и Великой Отечественной – просто не давали возможности думать иначе.

От советских интернационалистов требовалось самопожертвование, выполнение задачи в любых условиях, зачастую – вопреки обстоятельствам, скромность, граничащая с аскетизмом, кристальная честность и т. д.: «Вы – коммунисты, должны честно выполнять интернациональный долг», т. е. «рекламировать» СССР и преимущества социалистического строя»¹⁷. Очень показательны стихи, написанные военным политработником Н.Г. Ковтуном в сентябре 1984 г., в разгар боев за г. Мавинга (Ангола): «Нам всем начертано пройти / Дорогой испытаний. / И ты мужайся, коль в пути / Вдруг нестерпимо станет... / Пусть сердце рвет на части

¹⁶ Коломнин С.А. Указ. соч. С. 145.

¹⁷ Там же. С. 101–102.

боль / Терпи и улыбайся. Какая-либо забота об условиях труда, не говоря уже о комфорте и т. п., в этой системе ценностей считалась неприличной, позорящей советского «прогрессора»: «Помнится, в начале 80-х при оформлении очередной “длительной зарубежной командировки” в “жаркую” (в прямом и переносном смысле) страну один из моих друзей попробовал поинтересоваться у кадровика 10-го Главного управления ГШ условиями контракта. “Какой контракт? Ты что, старлей, наемник, что ли? Е-дешь вы-пол-нять ин-тер-на-циональный долг. А при этом тебе государство еще и деньги платит. Понял?”. Таков был ответ»¹⁸.

В истории известны аналоги «прогрессорской» деятельности. Например, миссии католических монахов, рыцарских орденов и т. п. Но между миссионерами и советскими «прогрессорами» есть различия: первые главной целью считали распространение религии, а прочую деятельность полагали средством достижения главной цели; советские «прогрессоры» прежде всего выполняли свои профессиональные обязанности, а популяризация преимуществ социалистического строя была на втором месте, или осуществлялась параллельно; орденские братья – рыцари и монахи – были добровольцами, отказавшимися от мирской жизни ради служения Богу, а советских «прогрессоров» выбирало и направляло на службу государство, хотя формально они тоже были добровольцами.

Материальное и духовное

Для советского человека трудности службы за рубежом, риски «прогрессорства» были одновременно средством самореализации («закалить себя» и т. д.) и средством заработка: «...представилась возможность увидеть новую страну, узнать много интересного, удовлетворить свои романтические амбиции, да и значительно улучшить свое материальное положение, чтобы не жить от зарплаты до зарплаты. Чего греха таить, романтика романтикой, но в те годы некоторые уезжали в такие командировки, чтобы сменить место службы, а многие – за-ра-ба-ты-вать! Раз государство не могло обеспечить достойный уровень жизни своих защитников, то приходилось самим заботиться об этом. И ехали, как правило, добровольно»¹⁹.

Стоит отметить, что мотив заработка присутствует в большинстве мемуаров участников ангольских событий. Важно, что

¹⁸ Коломнин С.А. Указ. соч. С. 97.

¹⁹ Ковтун Н.Г. Указ. соч. С. 6–7.

практические все эти мемуары были написаны в 2010-е гг. или немного позднее, иногда – на основании дневниковых записей. Мемуары, изданные ранее, в 90-е годы или в начале 2000-х гг., таких сюжетов не содержат. Возможно, авторы пытались объяснять своим актуальным или предполагаемым читателям – представителям младших поколений – цели своего пребывания в Африке с помощью понятных образов, таких, как материальное благополучие. Тогда как мемуары, изданные в 1990–2000-х гг., ориентированы на поколения молодежи с еще советским воспитанием, и объясняют свои африканские командировки с помощью понятий «долг», «присяга», «Родина» и т. д.

Воспитание и образ мышления советского общества и его отдельных представителей ставили долг, в том числе и интернациональный, на первое место. Но это, как это не парадоксально, не являлось отрицанием материальных благ. Если советскому человеку выпадала возможность улучшить свое материальное положение, он этой возможностью, как правило, не пренебрегал. Материальные блага не были целью, но от них не отказывались. Несмотря на то что «денежное довольствие выплачивалось нашим военным советникам и специалистам по весьма оригинальной схеме. Мы ее называли: “Государство не обманешь...” Во-первых, никакой валюты на руки, хотя каждому командируемому военнослужащему назначался персональный валютный оклад... Во-вторых, если жена по каким-либо причинам осталась на родине – минус 20 процентов “валюты”! Почему? Никаких пайковых, льготных и т. д. Плюс из оклада, что был положен по месту службы в Союзе, выплачивали по возвращении только 60 процентов. Словом, сколько ни плюсуй, а все равно минус получается...»²⁰. Тем не менее сумма такого «минуса» был намного больше суммы, которую «прогрессор» мог заработать на родине.

Иногда уровень риска серьезно превышал размер оплаты труда, даже с учетом того, что советский офицер имел соответствующее воспитание, подготовку, и был морально готов к «трудностям и лишениям» африканской командировки: «как признался мне Саша Белов, капитан-пэвэошник, до этого служивший в каком-то Богом забытом маленьком гарнизоне в Сибири и оказавшийся в радиолокационной роте в Кувелае: «Здесь никаких чеков не захочешь, лишь бы поскорее вернуться»²¹.

Случалось, что советский «прогрессор» не получал за свой труд и риск вообще ничего. Например, инженер Брянского автоза-

²⁰ Коломнин С.А. Указ. соч. С. 89.

²¹ Там же. С. 223–224.

вода А. Павлов, специалист по самоходным шасси (база ракетного комплекса ПВО «ОСА АК»), проработавший в Анголе с 1983 по 1985 г. и неоднократно рисковавший жизнью во время налетов и обстрелов юаровской авиации и дальнобойной артиллерии, вспоминал: «я вернулся в СССР в 1985 г. На границе меня тщательно обыскивали, конфисковали фотопленку и взяли подпиську о неразглашении. Я вернулся обратно на завод, не имея ни справок о том, где я был, ни льгот»²². Нередко служба в Африке негативно сказывалась на здоровье, но это не предполагало никаких компенсаций: «Имеете ли Вы какие-либо награды за службу в Анголе? – Нет, никаких. – Расскажите немного о своей жизни после службы в Анголе. – Я вернулся оттуда с кучей проблем, и в первую очередь, со здоровьем. Заработал болезни. Гипертонию, появились первые признаки болезни Паркинсона, они и сейчас заметны. Переболел тропической малярией несколько раз»²³. Следует отметить, что в условиях африканской природы и войны проблемы со здоровьем случались и у абсолютно здоровых людей. Так, в 1987 г. Первая мотопехотная бригада ФАПЛА попала в окружение партизанских отрядов УНИТА в районе реки Лунге-Бунгу. Все возможности снабжения бригады, в том числе по воздуху, были отрезаны унитовцами, в бригаде начался голод, который отразился и на советских советниках: «советника командира бригады впоследствии эвакуировали в Москву по причине заболевания, возникшего на почве недоедания (у абсолютно здорового человека развился сахарный диабет. – А. П.), а все остальные были на грани истощения»²⁴. Никаких компенсаций за это не предусматривалось (стоит вспомнить литературный образец такой ситуации – Павку Корчагина, которому никаких компенсаций за ранения и болезни никто не выплачивал).

Стремление улучшить свое материальное положение не должно было стоять на первом месте в работе «прогрессора», но в жизни бывало по-разному. Некоторые доходили до откровенной крайности. В военной среде таких офицеров называли «стотысячники», т. е. люди, которые стремятся заработать сто тысяч чеков Внешпосылторга, в которых государство платило интернационалистам зарплату: «старались заработать как можно больше, экономя на всем: от средств гигиены до питания пусть даже за счет здоровья своего и здоровья своих близких находившихся в стране вместе с ними. Их со смехом, жалостью, а некоторые и с завистью называли

²² Павлов А. Русские «Осы» в Африке // Солдат удачи. 1995. № 9. С. 23.

²³ Кузнецова-Тимонова А.В. Указ. соч. С. 112.

²⁴ Бедяев А.Ю. Тайны спецслужб. М.: Вече, 2022. С. 404.

«стотысячники» – по величине вожделенной суммы заработка. Зачастую представителей этой породы скупцов эвакуировали в Союз с болезнями от недоедания, а то и с дистрофией» (Ангола, 1986 г.)²⁵. Военный переводчик И.А. Ждаркин вспоминал, как в Анголе в 1988 г. «встретил советник начальника политотдела округа. Совершенно уникальная фигура – про него можно рассказывать и рассказывать – мы его называли “из славной когорты стотысячников”. Поскольку за три года и четыре месяца пребывания в Анголе он с женой заработал больше ста тысяч чеков. Причем сам вместе с женой умудрялся жить в месяц на пять долларов. Ездил по ангольским складам, собирая там вонючую рыбу, консервы различные, в общем, кормился с этих складов»²⁶.

Разумеется, такое поведение среди советских граждан в Африке было редкостью, но, увы, встречалось на протяжении ряда лет, и не только в Анголе, и не только среди военных. Так, В.Г. Мантуленко и Т.Л. Мантуленко, работавшие преподавателями в Танзании в 1969–1973 гг., вспоминали, что «...семья из Орехово-Зуево жили в Мона-Гора, он – кандидат наук. Всем давали хорошие зарплаты, нормальное жилье. Тут нечего скрывать. А эти жили в одной комнате из пяти, остальное заколочено. Что приобретается, запирается в ящики. Пьют из консервных банок. Утираются какой-то тряпкой, вместо полотенца...»²⁷.

Важно понимать, что деятельность советских людей в Африке, и, в частности, военных советников и специалистов в Анголе, это процесс, растянувшийся на два десятилетия. За это время в Африке работали представители нескольких поколений советских людей. Можно предположить, что для первопроходцев, среди которых хватало участников Великой Отечественной войны, на первом месте были идеалы. Их наследники, поколение 60-х, отличались от них только тем, что не пережили «большую войну». А молодые советские люди 70-х годов были уже менее идеологизированы и несколько более нацелены на материальные блага. Но воспоминания ветеранов ангольских командировок говорят об обратном: молодежь была более романтически настроенной и идейной, нежели старшее поколение. Возможно, дело в том, что представители старшего поколения, при том, что были такими же советскими людьми с точно так же, если не сильнее, воспитанным

²⁵ Там же.

²⁶ Ждаркин И.А. Указ. соч. С. 92.

²⁷ Цветков Э.Г. Советские специалисты в Тропической Африке // Африка в судьбе России: Россия в судьбе Африки. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 418, 428.

чувством долга, воспринимали службу в Африке именно как службу, без ненужного риска, с возможностью хорошего продвижения или удачного завершения военной карьеры, а не как приключение или карьерный старт. Упоминавшийся выше Н.Г. Ковтун после завершения двухгодичной ангольской командировок «прибыл в политуправление Сухопутных войск, где начальник отдела кадров полковник Крондо предложил мне должность начальника политотдела отдельной инженерной бригады Приволжского военного округа под Куйбышевом (Самарой). Я отказался и сказал, что в спецкомандировку уезжал с Киевского военного округа и туда должен быть направлен. Крондо ответил, что в Киевском военном округе нет вакантных должностей в звании полковника (штатная категория советника начальника политотдела бригады – полковник). Я ответил, что согласен и на подполковничью должность. Так я получил направление в родной Киевский военный округ, в котором служил с октября 1961 г.»²⁸. А для молодежи это было именно приключение, тот самый «порыв», возможность совершить «поступок», чтобы, по выражению одного из героев А. Толстого, вырастить в себе «большого человека»: «во мне с детства присутствовал романтизм. Мне почему-то хотелось попасть на войну, быть в гуще таких событий...»²⁹.

Таким образом, трудности, опасности и риски, выпадавшие на долю советских военных и гражданских «прогрессоров» в Африке, были не просто обусловлены местными обстоятельствами (революции, гражданские войны, экономические кризисы и т. п.), но особенностью самого статуса советского «прогрессора». Такому «солдату партии» надлежало не просто трудиться на благо социалистической идеи, но трудиться, обязательно преодолевая указанные проблемы. Наградой за перенесенные тяготы была финансовая оплата, и, в большей степени – сам факт возможности работы за рубежом СССР, сам факт возможности быть «прогрессором».

«Прогрессоры» и советское общество

Преодоленные трудности и заработанные деньги резко повышали статус советского человека внутри советского общества. Такой человек мог с гордостью смотреть на соотечественников – он, так или иначе, часть своей жизни отдал борьбе за идею, он был «строителем социализма» не на словах, а на деле.

²⁸ Ковтун Н.Г. Указ. соч. С. 166.

²⁹ Кузнецова-Тимонова А.В. Указ. соч. С. 85.

Главным визуальным маркером успеха советского «прогрессора» логично было бы считать государственные награды. Уважение к орденам и медалям в советском обществе было большим и искренним, память Великой Отечественной войны была свежей. Но реалии африканских командировок были таковы, что решения о присвоении наград часто задерживались, пересматривались с понижением (медаль вместо ордена), принимались с оговоркой «без оглашения» и т. п. Поэтому для советских людей главным мерилом успеха «выездных» сограждан были материальные блага: «все респонденты в один голос утверждают, что оплата труда была достойная, экономить не приходилось, можно было жить вполне прилично и по возвращении в СССР купить что-то существенное. В.П. Сухов в интервью перечисляет, чем сумел обзавестись в Ярославле после полугода работы в Гвинее в 1962 г.: «...автомобиль “Москвич” я оплатил... пианино... и холодильник...»³⁰; «после полутора лет ангольской командировки (1979–1981 гг. – А. П.) мы сделались по тем временам вполне обеспеченными людьми. Наш курсовой старшина Славка Истратов захотел и купил себе “жигуль”, а остальные приобрели в “Березке” приличную аппаратуру и одежду...»³¹.

Военный переводчик В.М. Гущин писал: «Командировка в Анголу (1983–1984 гг. – А. П.) в финансовом плане была конфеткой... после двухгодичной командировки я смог без проблем купить машину ВАЗ-2106 и обставить не самой дешевой мебелью двухкомнатную квартиру. Кроме того, мы моим родителям и родителям жены финансово помогли...»³².

Отсутствие материального благополучия после «выполнения интернационального долга» воспринималось даже не негативно, а с большим удивлением. Так, прaporщик Н.Ф. Пестрецов, который в 1981 г. во время наступления войск ЮАР на юге Анголы у г. Онджаива попал в плен, потом – в тюрьму в Йоханнесбурге, и был обменян в 1982 г. на южноафриканского летчика, по возвращении на родину столкнулся именно с таким отношением к себе: «На все просьбы об улучшении жилищных условий ему отвечали: нет оснований, вы же не “афганец”, так и ждите в общем порядке. “Как же так? Я же тоже интернационалист, или что за долг я выполнял за тридевять земель?” – “Извините, никаких данных нет, где были и чем занимались, не знаем”. Сослуживцы невесело подтрунивали: за

³⁰ Цветков Э.Г. Указ. соч. С. 417.

³¹ Коломнин С.А. Указ. соч. С. 63.

³² Гущин В.М. Две командировки в Анголу: воспоминания военного переводчика. М.: Наш круг, 2022. С. 122.

бугром служил, а на квартиру не заработал?»³³. При этом просьба о предоставлении каких-либо льгот вызывала возмущение: «Много чего выслушал Николай Федорович от тылового подполковника. Начиная от обвинений в “борзости”, нарушении субординации и кончая пресловутым “я вас туда не посыпал”»³⁴. Такая просьба не просто нарушала некий сложившийся порядок вещей, она противоречила самому образу советского «прогрессора», для которого на первом месте должны были быть высшие идеалы, а материальные блага – на втором.

Фраза «мы вас туда не посыпали», ставшая широко известной в связи с проблемой ветеранов Афганистана, имеет именно такую трактовку: «прогрессор» был избран государством для выполнения государственной задачи, что само по себе знак высокого отличия для советского гражданина, особенно – для коммуниста; на выполнение задания партии и правительства согласился добровольно; за свою работу «прогрессор» получил денежное вознаграждение, как правило, значительно превышающее размеры заработка в Союзе. Трудности (болезни, война и т. д.) естественны для «прогрессора», особенно – для военного, поэтому о компенсациях, льготах и т. п. не может быть и речи.

Добровольное согласие в данном случае – это интересный нюанс советского менталитета. Теоретически, как указывалось выше, участие в интернациональной помощи СССР дружественным странам могло быть для коммуниста и советского гражданина только добровольным. Но на практике условия воспитания, идеология, патриотизм диктовали безоговорочное согласие с любым предложением или приказом партии и правительства. Соответственно, «добровольность», в случае травм, болезней, ранений или смерти, не давала права требовать компенсации от государства.

Заключение

Международная политическая ситуация 60–80-х годов, во время которой произошел окончательный распад колониальной системы, и многие бывшие колонии стали независимыми государствами, изменила формы взаимодействия СССР с «развивающимися» странами. Если ранее «интернациональный долг» выполняли тщательно отобранные добровольцы – члены партии и представители государственных структур, то теперь каждый советский гражданин

³³ Коломнин С.А. Указ. соч. С. 88.

³⁴ Там же. С. 90.

мог стать «прогрессором». Прежние квоты таких «солдат партии», рассчитанные на помощь и поддержку различных партизанских движений, не подходили для взаимодействия с целыми государствами и требовали серьезного увеличения численности личного состава.

Советские «прогрессоры» – это люди, избранные государством для работы по специальности в дружественных СССР странах или странах «народной демократии» и, одновременно, для продвижения и пропаганды преимуществ социалистического устройства государства и общества. Формально, «прогрессоры» были добровольцами, но фактически – «солдатами партии», выполнившими приказ. Особенностями труда «прогрессора» были бытовые, технические и т. п. трудности, риск потери здоровья или жизни, которых надлежало не избегать, а терпеть и преодолевать. Труд «прогрессора» хорошо оплачивался, но льготы, компенсации и т. п. зачастую не предусматривались, так как риски и трудности – неотъемлемая часть работы «прогрессора».

Советское общество относилось к «прогрессорам» положительно, даже с завистью. С одной стороны, весомым поводом для гордости было улучшенное материальное положение (по меркам советского общества, заработанные деньги были мерилом личного успеха «прогрессора»), с другой – реальное участие в «построении социализма в мире», причастность к «большому и нужному делу», сам статус избранных из общей массы. Тяжелый и опасный труд «прогрессора» был пропуском в элиту советского общества.